

ИНМИР

White Paper

Эта публикация финансируется Европейским Союзом. Ее содержание является исключительной ответственностью IWPR и не обязательно отражает точку зрения Европейского Союза.

2026

Автор: Айгерим Кусайынқызы

РЕИНТЕГРАЦИЯ ЖЕНЩИН ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ:

барьеры, факторы успеха и меры по усилению проработки в Республике Казахстан

Об авторе

Айгерим Кусайынкызы — гендерный эксперт и юрист-исследователь, работающий на стыке конституционного права, принципов равенства и реализации государственной гендерной политики. Она является *Senior Lecturer* в *Maqsut Narikbayev University* (Астана, Республика Казахстан) и вовлечена в академическое управление и обеспечение качества образовательных процессов (разработка курсов, оценивание, внутренние регламенты). В фокусе её исследований правовые механизмы недискриминации, реинтеграция женщин после лишения свободы, а также цифровые права и гендерно обусловленное насилие в онлайн-среде. В своей профессиональной практике она сочетает академическую аналитику с прикладными проектами, разрабатывая тренинговые модули и рекомендации для институтов и партнёров, ориентированные на измеримый социальный эффект.

Общественное Объединение «Центр развития и социальной помощи населению «Мой дом»

Основная миссия Общественного объединения «Центр развития и социальной помощи населению «Мой дом» — мобилизация женского сообщества и просветительская работа в сфере прав женщин, гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, а также профилактика и предотвращение насилия в отношении женщин и девочек. Организация на протяжении 20 лет оказывает поддержку женщинам, подверженным стигме и дискриминации, и выстраивает практические механизмы помощи для женщин и детей, переживших насилие.

Особое внимание ОО «Мой дом» уделяет развитию устойчивой системы перенаправления и межсекторального взаимодействия между государственными и негосударственными структурами, оказывающими услуги пострадавшим. С 2014 года действует кризисный центр для женщин с детьми (специализированная инфраструктура в формате отдельного двухэтажного здания), обеспечивающий комплексную помощь в ситуациях насилия и жизненных кризисов. В числе приоритетов — профилактика социальных рисков, включая семейные разводы и социальное сиротство; также организация реализует инициативы, нацеленные на снижение факторов, приводящих к саморазрушительному поведению и кризисам в семьях.

Среди ключевых направлений деятельности — сопровождение женщин и девочек, переживших различные виды насилия (включая случаи насилия со стороны представителей правоохранительных органов), поддержка женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, освободившихся из мест лишения свободы, а также других стигматизированных женских групп. Параллельно организация работает с профессиональными целевыми аудиториями: сотрудниками судов, правоохранительных органов, прокуратуры и учреждений социальной защиты, вовлечёнными в профилактику и реагирование на гендерное насилие.

Организация обладает значительным опытом институционального участия и адвокации: команда представлена в межведомственных советах и рабочих

комиссиях при МВД РК и Национальной комиссии по семейно-демографической политике, участвует в Ассоциации деловых женщин, входит в Консультативную группу гражданского общества Структуры ООН-Женщины в Казахстане и в Союз кризисных центров РК. Сотрудники организации также вовлечены в работу Национального превентивного механизма и городских комиссий, что усиливает диалог с государственными заинтересованными сторонами и расширяет возможности для продвижения прав человека и противодействия дискриминационным практикам.

Об IWPR

IWPR (Институт репортажей войны и мира) усиливает голос местных сообществ, помогая им добиваться перемен в странах, переживающих конфликты, кризисы и переходные периоды. Там, где распространяется язык вражды и пропаганда, а журналисты и гражданские активисты подвергаются атакам, IWPR продвигает достоверную информацию и способствует общественным дискуссиям, которые действительно имеют значение. В условиях, когда новые формы дезинформации способствуют расколу в обществе, растут цифровые угрозы и учащаются нападения на журналистов, миссия IWPR по поддержке местных голосов становится особенно важной.

Основная задача организации — укрепление потока достоверной и объективной информации, позволяющей журналистам и гражданскому обществу информировать, обучать и мобилизовать сообщества.

IWPR помогает обществам находить собственные решения, усиливая их потенциал в сфере журналистики и гражданской активности, а также поддерживая борьбу за подотчётность, свободу слова и права человека.

О Европейском союзе

Европейский союз (ЕС) — это экономический и политический союз 27 европейских стран. Он основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, в том числе прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Он действует на глобальном уровне с целью продвижения устойчивого развития общества, окружающей среды и экономики во благо каждого.

СОДЕРЖАНИЕ

- 02** **Об авторе**
- 03** **«Мой дом»**
- 05** **Об IWPR**
- 06** **О Европейском союзе**

- 08** **1. Введение**
  - 11** 1.1. Цель документа
  - 12** 1.2. Методология
  - 13** 1.3. Объект исследования
  - 14** 1.4. Сбор и анализ данных
  - 18** 1.5. Риски после освобождения, выявленные участницами
  - 19** 1.6. Рекомендации верхнего уровня

- 21** **2. Контекст и проблема правоприменения**
  - 21** 2.1. Законодательные требования по социализации лиц после освобождения (в логике Закона РК «О пробации»)
  - 25** 2.2. Проблема правоприменения
  - 27** 2.3. Анализ данных

- 32** **3. Предложения по мерам**

- 42** **Выводы**

1. Введение

Пенитенциарный контур в Республике Казахстан характеризуется существенной численностью лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) и следственных изоляторах, что объективно формирует устойчивый спрос на механизмы ресоциализации и постпенитенциарного сопровождения. В ходе обсуждения законопроекта об амнистии в связи с 30-летием Конституции в медиа отмечалось, что в 63 учреждениях УИС и 16 СИЗО **содержатся «более 40 тысяч лиц»**, из которых **«33 тысячи осуждённые и 7 тысяч следственно-арестованных»**.

Параллельно значимая нагрузка фиксируется и в сегменте пробационного контроля: на конец 2023 года в открытых источниках со ссылкой на МВД **приводилась** численность лиц на учёте службы пробации – 28 463. В 2025 году в публичных сообщениях также фигурирует **показатель** порядка 27,9 тыс. лиц на учёте.

Ключевое нормативное основание — **Закон РК «О пробации»**. Он **закрепляет** пробацию как систему видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц и предупреждение правонарушений, включая лиц, вернувшихся из мест лишения свободы. Следовательно, юридическая логика пробации не сводится к надзору: по замыслу законодателя это комбинация контроля и социальной/правовой поддержки, то есть инструмент правовой политики в сфере предупреждения рецидива.

РЕИНТЕГРАЦИЯ ЖЕНЩИН, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ КАК КОМПЛЕКСНАЯ СФЕРА, ГДЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ:

гарантии прав человека (доступ к жилью, труду, медико-социальной помощи, защита от дискриминации);

цели уголовно-исполнительной политики (исправление и предупреждение повторной преступности);

обязанности государства по обеспечению действенных механизмов социальной адаптации.

**ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ УСТОЙЧИВОЙ ИНТЕГРАЦИИ,
В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ ВЫСТУПАЮТ КАК БАРЬЕРЫ ДОСТУПА
К ПРАВАМ И УСЛУГАМ, А ТАКЖЕ КАК КРИМИНОГЕННЫЕ РИСКИ,
ПОВЫШАЮЩИЕ ВЕРОЯТНОСТЬ ПОВТОРНОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ
В УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОРБИТУ:**

жилищный дефицит, отсутствие регистрации и документов
(фактически блокирует трудоустройство и социальные услуги);

дискриминационные практики на рынке труда в связи с судимостью
(де-факто ограничение равного доступа к занятости);

разрыв семейных связей и утрата поддержки
(включая вопросы контакта с детьми);

психологические последствия тюремного опыта и уязвимость в сфере
психического здоровья, требующие доступных медико-социальных услуг;

зависимости как фактор рецидива и
социального неблагополучия.

Международные профильные руководства по охране здоровья женщин в местах лишения свободы и на выходе **подчёркивают** повышенную распространённость проблем психического здоровья у женщин-осуждённых и необходимость непрерывности помощи (в т.ч. социальной и медицинской) при переходе учреждение и сообщество.

В 2025 году амнистия, приуроченная к 30-летию Конституции, изначально **оценивалась** как мера, способная охватить до 15 тыс. человек с комбинацией освобождения и сокращения сроков. **По данным** МВД (на октябрь 2025 года), 1770 осуждённых уже покинули места лишения свободы (в том числе 135 женщин), ещё 2240 получили сокращение сроков; кроме того, 2507 лиц, состоявших на учёте службы пробации, были освобождены от наказания.

К январю 2026 года сообщалось, что по амнистии **освобождено** более 2 тыс. человек, а более 11 тыс. получили сокращение сроков.

Юридически амнистия — акт гуманизма и элемент уголовной политики, но ее социальная эффективность зависит от второго контура: готовности системы пробации и межведомственных сервисов обеспечить законодательно предполагаемую «социально-правовую составляющую» сопровождения. Иначе возникает правовой риск «освободили — и формально исполнили», при том что цель предупреждения рецидива достигается неполно.

С учётом масштаба контингента УИС и значительной численности лиц на пробационном учёте, реинтеграция (особенно женская) требует **рассматривать** пробацию не как ведомственную процедуру контроля, а как межсекторальный правовой механизм реализации прав и профилактики повторной преступности в смысле Закона «О пробации».

В практической плоскости это означает приоритизацию юридически измеримых «точек доступа»: документы/регистрация, жильё, трудоустройство, медико-социальная помощь и антидискриминационные гарантии — как минимум на период первичной адаптации после освобождения.

1.1. Цель документа

Настоящий документ подготовлен в целях содействия государственным органам в реализации конституционного принципа уважения прав и достоинства личности и обеспечения эффективной ресоциализации женщин после освобождения. На основе материалов полевого исследования (анкетирование в учреждениях уголовно-исполнительной системы, экспертные интервью и официальные ответы государственных органов) предлагаются практические, измеримые и исполнимые меры, направленные на повышение результативности постпенитенциарной поддержки и усиление социальной составляющей пробации.

Исследовательский инструмент прямо фиксирует правомерный режим использования информации: данные не предназначены для индивидуального вмешательства, а используются только в обобщенной форме для совершенствования практики пробации. В анкете, в частности, указано «**Все данные будут использованы только в обобщенном виде...**», а также подчёркнуто, что они используются «...для ... улучшения работы Службы пробации ... РК».

Таким образом, *White Paper* ориентирован на системные изменения: повышение доступности услуг, устранение административных барьеров и закрепление межведомственных механизмов, позволяющих пробации выполнять не только контрольные, но и социально-правовые функции.

1.2. Методология

Районом исследования в рамках настоящего проекта выступала Карагандинская область Республики Казахстан как территория с устойчивой нагрузкой на пенитенциарную и пробационную инфраструктуру и наличием целевой группы женщин, находившихся в местах лишения свободы и/или состоявших на учёте Службы пробации. Исследование охватило два институциональных контура: учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС) и Службу пробации (в части сопровождения женщин после освобождения и реализации индивидуальных мер социально-правового характера).

Методологический подход был направлен на формирование доказательной базы для White Paper о факторах, препятствующих реинтеграции женщин с судимостью, и о проблемах реализации норм законодательства, включая процедуры освобождения и последующего сопровождения, а также правоприменение [Закона РК «О пробации»](#) (с учётом изменений 2022 г.) и сопряженных процедур УИК РК.

1.3 Объект исследования

ОБЪЕКТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯВЛЯЛИСЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СУБЪЕКТОВ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В ПРОЦЕСС РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН ПОСЛЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ:

- администраций учреждений УИС (в части подготовки к освобождению, оформления документов, передачи информации и содействия в перенаправлении);
- службы пробации (в части постановки на учёт, составления и реализации индивидуальных мер социально-правового характера, межведомственной маршрутизации);
- сопряженных государственных субъектов (правоохранительных органов и прокуратуры в части надзора/координации и практики реагирования на выявленные проблемы).

Предмет исследования включал барьеры интеграции ранее судимых женщин (жильё, регистрация, документы, трудоустройство, доступ к услугам, стигма, риски повторного правонарушения) и юридические дефекты их преодоления: пробелы регулирования, недостаточную определенность норм, несогласованность процедур и формальное исполнение обязанностей.

1.4 Сбор и анализ данных

Для изучения социальных и институционально-правовых аспектов реинтеграции применялась методология смешанного исследования, основанная на триангуляции источников данных: анкетирование, интервью и официальные ответы госорганов.

Количественный компонент: анкетирование.

В течение трех месяцев было проведено структурированное анкетирование N=200 женщин, включая:

- женщин, находившихся в местах лишения свободы;
- женщин, состоявших на учёте Службы пробации Карагандинской области.

Анкета была направлена на выявление факторов, влияющих на успешную интеграцию после освобождения, включая доступ к документам и регистрации, жилищную ситуацию, занятость, доступ к социальным и медицинским услугам, опыт взаимодействия со Службой пробации и воспринимаемую эффективность индивидуальных мер социально-правового характера.

Качественный компонент: полуструктурированные интервью и глубинные опросы.

Параллельно были проведены экспертные интервью с представителями заинтересованных государственных органов на уровне руководителей подразделений и профильных специалистов:

- пенитенциарной системы/КУИС;
- Службы пробации;
- органов прокуратуры;
- правоохранительных органов.

Интервью позволили выявить фактические процедуры освобождения и последующего сопровождения, практику реализации индивидуальных мер социально-правового характера, межведомственные разрывы, ресурсные ограничения и зоны дискреции, а также типовые случаи формального применения требований Закона «О пробации».

Документальный компонент: официальные запросы и ответы госорганов.

Для уточнения и юридического закрепления проблемных вопросов была организована официальная переписка с заинтересованными ведомствами. В результате были получены письменные ответы государственных органов, которые использовались как самостоятельный источник данных и обеспечили фиксацию официальной позиции по вопросам правоприменительной практики. На основе сопоставления официальных позиций с эмпирическими данными были установлены случаи пробелов в законодательстве, недостаточной определённости отдельных норм, а также несовершенства подзаконного регулирования и ведомственных процедур.

Аналитическая обработка и юридическая квалификация

АНАЛИЗ БЫЛ ПОСТРОЕН НА СОПОСТАВЛЕНИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ С НОРМАТИВНЫМИ ТРЕБОВАНИЯМИ (DE JURE VS DE FACTO) И ВКЛЮЧАЛ:

описательную статистику по результатам анкетирования
(частоты/доли ключевых барьеров);

тематическое кодирование интервью
(устойчивые паттерны и «узкие места» правоприменения);

правовую квалификацию выявленных проблем как: пробелы регулирования, недостаточную определенность норм, несогласованность НПА и процедур, дефекты правоприменения (включая формализацию мер и отсутствие межведомственной маршрутизации).

Итогом методологии стало формирование доказательной базы для *White Paper* и подготовка юридически выполнимых рекомендаций по изменению правоприменительной практики субъектов пробации и пенитенциарной системы.

Участие респонденток осуществлялось добровольно. Было обеспечено информированное согласие, конфиденциальность и деперсонализация данных. Вопросы формулировались нейтрально, респонденткам предоставлялась возможность не отвечать на отдельные вопросы без каких-либо последствий.

Материалы анкетирования подтверждают, что реинтеграция женщин после освобождения зависит не от одного фактора, а от последовательности взаимосвязанных условий, которые государственная система должна обеспечивать как единый маршрут: восстановление документов и регистрация, доступ к услугам, безопасное проживание, законный доход, занятость, здоровье и психологическая устойчивость, семейные вопросы (при необходимости и с учётом безопасности).

С правозащитной точки зрения речь идёт о доступе к базовым социальным правам и гарантиям без дискриминации и стигматизации. При отсутствии документов и регистрации реальный доступ к услугам часто становится формальным: человек «имеет право», но не может им воспользоваться. Это создаёт условия, при которых женщина вынуждена опираться на неформальные механизмы выживания (нестабильное проживание, неформальная занятость), что увеличивает риск повторной уязвимости и утраты устойчивых социальных связей.

Особое значение имеет период первых 30–90 дней, когда формируется траектория адаптации. Анкета фиксирует различную степень готовности к этому переходу и потребность в сопровождении.

Среди вариантов ответов прямо предусмотрены формулировки:

**«ДА, С ПОМОЩЬЮ АДМИНИСТРАЦИИ»,
«НЕТ, НЕ ЗНАЮ, С ЧЕГО НАЧАТЬ»,
«НЕТ, НЕ ДУМАЮ ОБ ЭТОМ».**

Данная реплика имеет значение не как эмоциональная ремарка, а как индикатор правоприменительного риска отсутствие «точки входа» в систему поддержки объективно снижает вероятность реализации социально-правовой помощи и нивелирует профилактическую функцию пробации, трансформируя ее в преимущественно контрольный режим. С правовой точки зрения такая ситуация указывает на недостаточность процедурной определённости предоставления помощи, даже при наличии нормативно закреплённой цели содействия ресоциализации и снижению повторной преступности, результат

зависит от того, существует ли у лица доступный, предсказуемый и управляемый механизм получения помощи «с первого дня». Реплика «не знаю, с чего начать» фактически означает, что адресат мер не видит (или не понимает) маршрут, что кто уполномочен, куда обратиться, в каком порядке, в какие сроки, какие документы нужны, и что именно является итогом сопровождения. Следовательно, это доказательства в пользу внедрения регламентированного кейс-менеджмента как обязательного элемента постпенитенциарного сопровождения.

1.5. Риски после освобождения, выявленные участницами

Инструментарий исследования прямо фиксирует перечень прогнозируемых трудностей после освобождения (множественный выбор). В анкете, в частности, перечислены: «поиск жилья», «поиск работы», «прописка, восстановление документов», «принятие обществом», «воссоединение с семьей», «психологическая неуверенность».

ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВАЖЕН НЕ ТОЛЬКО САМ ПЕРЕЧЕНЬ, НО И ЕГО ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ:

Документы/регистрация это точка входа к услугам, если она не пройдена, остальные гарантии становятся труднодостижимыми.

Жильё и доход ключевые условия устойчивости: без них возрастает риск повторной виктимизации и зависимости от небезопасного окружения.

Принятие обществом (стигма) фактор, который нельзя устранить распоряжением.

Семейные вопросы требуют индивидуального подхода и восстановление связей возможно только при соблюдении безопасности и с учётом интересов детей.

Психологическая устойчивость не факультативная мера «по желанию», а условие соблюдения жизненного плана, сохранения занятости и устойчивого взаимодействия с сопровождающими службами.

1.6. Рекомендации верхнего уровня

1) Единый маршрут сопровождения в первые 90 дней после освобождения.

Государству необходимо обеспечить не эпизодические направления в ведомства, а согласованный маршрут, включающий первичную оценку потребностей, план действий, контроль прохождения процедур и минимальные сроки исполнения. Учитывая зафиксированную в анкете потребность части женщин в помощи с началом, сопровождение должно быть доступно с первых дней и ориентировано на результат.

2) Документы и регистрация — приоритетный юридический шаг.

Ускорение восстановления документов и решения вопроса регистрации должно быть оформлено как обязательная межведомственная процедура. Основание для приоритета — прямое указание в анкете на риск «прописка, восстановление документов». Рекомендуется закрепить ответственного специалиста сопровождения и единый пакет требований, чтобы исключить повторные обращения и «хождение по кругу».

3) Занятость и законный доход измеримый результат, а не консультация.

В анкете «поиск работы» прямо назван ожидаемой трудностью. Поэтому мера должна оцениваться по факту трудоустройства и обучения и сохранения занятости, а не по числу проведённых бесед. Требуется сопровождение до результата, взаимодействие с работодателями и механизмы снижения стигмы при приёме на работу.

4) Жильё: условия безопасности и устойчивости.

Учитывая, что «поиск жилья» указан как один из ключевых рисков, необходимы временные решения на 30–90 дней (социальные и кризисные центры, партнёрские места) и понятный механизм перехода к устойчивому проживанию. Без базового проживания пробационный контроль объективно становится трудноисполнимым и повышает риск повторной уязвимости.

5) Медицинская и психологическая помощь: стандартный модуль постпенитенциарной поддержки.

Анкета включает «психологическую неуверенность» как ожидаемую трудность. Следовательно, скрининг потребностей и маршрутизация к профильным услугам должны быть встроены в сопровождение, а доступ обеспечен в первые недели после освобождения (приоритетные окна записи/направления).

6) Межведомственный регламент взаимодействия (единые сроки, ответственные лица, обмен информацией).

Для устранения разрыва между нормой и фактической практикой необходим регламент, который закрепляет кто отвечает за каждый шаг маршрута, в какие сроки он исполняется, как осуществляется передача информации и кто несет ответственность за результат. Государственная система должна действовать как единый, скоординированный механизм публичной власти с непрерывностью рассмотрения обращения, межведомственной связностью и персональной ответственностью за результат, а не как совокупность разрозненных формальных приемов и процедур, не образующих единого порядка защиты права.

2. Контекст и проблема правоприменения

2.1. Законодательные требования по социализации лиц после освобождения (в логике Закона РК «О пробации»)

По Закону РК «О пробации» пробация сконструирована не как ведомственный надзор, а как система видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, предназначенная для предупреждения повторных уголовных правонарушений. Пробация это юридически закреплённая система мер, а не надзор ради надзора. Закон определяет пробацию как совокупность контрольных и социально-правовых мер, направленных на коррекцию поведения и предупреждение повторных правонарушений. Целевой результат пробации ресоциализация и социальная адаптация освобождённых. Нормативная цель пробации формулируется через обеспечение общественной безопасности посредством ресоциализации осуждённых, а также социальной адаптации и реабилитации лиц, освобождённых из учреждений УИС.

Закон предполагает двухконтурную реализацию: контроль и социально-правовая помощь. Официальные разъяснения фиксируют, что пробация реализуется не только через контроль, но и через меры содействия/поддержки (социально-правовую помощь) в отношении лиц, подпадающих под пробацию.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ: ПРОБАЦИЯ «ОРГАНИЗУЕТ И СОПРОВОЖДАЕТ», А ПОМОЩЬ «ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ». МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РОЛЕЙ ВЫГЛЯДИТ СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОМ:

- служба пробации осуществляет пробационный контроль и содействует получению социально-правовой помощи;
- социально-правовая помощь оказывается местными исполнительными органами (иными уполномоченными структурами в пределах компетенции).

Социально-правовая помощь — это регламентированный набор услуг, а не факультативная консультация. Порядок и содержание социальной поддержки **раскрываются** в правилах (уровень нормативного регулирования): помощь включает конкретные направления содействия и процедурные алгоритмы взаимодействия субъектов.

Следовательно, государственная обязанность исполняется только тогда, когда оба элемента работают совместно и контроль без помощи не достигает цели закона, а помощь без организующего контура пробации не обеспечивает устойчивости результата.

В правовой системе Республики Казахстан пробация институционально конструируется как комплексный механизм, объединяющий элементы контроля за исполнением возложенных обязанностей и социально-правового сопровождения лиц, состоящих на учете службы пробации. В этом смысле пробация выступает не только инструментом надзора, но и каналом ресоциализации, предполагающим доступ к мерам поддержки и восстановлению социальных прав и связей.

Закон Республики Казахстан «О пробации» задает базовую рамку регулирования и определяет понятие и назначение пробации, формулирует цели и задачи, закрепляет принципы функционирования, а также виды пробации и общую архитектуру полномочий уполномоченных органов и участников процесса.

Подзаконное регулирование конкретизирует процедурный контур социальной составляющей и утверждены правила оказания (и содействия в получении) социально-правовой помощи лицам, в отношении которых установлен пробационный контроль, а также иным категориям, охватываемым нормативными предписаниями.

Закон Республики Казахстан «О пробации» закрепляет пробацию не как надзорную функцию, а как систему контрольных и социально-правовых мер, направленных на коррекцию поведения лиц и предупреждение повторных правонарушений. Из цели и задач закона следует, что государство обязано обеспечить комплексное сопровождение лица после освобождения: правомерное поведение должно обеспечиваться не только контролем, но и доступом к мерам социальной адаптации и реабилитации.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДУСМАТРИВАЕТ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ:

- Служба пробации реализует пробационный контроль и организует применение индивидуально определяемых мер, включая направление лица для получения социально-правовой помощи и координацию взаимодействия.
- Местные исполнительные органы и иные уполномоченные организации обеспечивают предоставление социально-правовой помощи по направлениям, закреплённым в правилах, утверждённых Правительством.

На первом уровне проверяется, исполнены ли действия, прямо предусмотренные законодательством и подзаконными актами, и подтверждаются ли они документально.

МИНИМАЛЬНО ПОДЛЕЖАТ ОЦЕНКЕ:

- 1. Индивидуализация мер: сформирован ли для подучётного лица конкретный, исполнимый пакет мер и действий (а не формальная фиксация статуса).
- 2. Перенаправление в систему услуг направлялось ли лицо в местные исполнительные органы и организации для получения предусмотренной помощи (обучение, содействие занятости и иные виды поддержки).
- 3. Межведомственная координация имеются ли подтверждения взаимодействия между службой пробации и местными исполнительными органами (запросы, ответы, уведомления о предоставлении либо невозможности предоставления помощи).

При отсутствии таких доказательств речь идёт о ненадлежащем исполнении процедурных обязанностей, то есть о дефекте правоприменительной практики. На втором уровне оценивается, привели ли принятые меры к результатам, ради которых они установлены законом: социальной адаптации, реабилитации и снижению повторной преступности.

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЯВЛЯЮТСЯ:

- трудоустройство и (или) профессиональное обучение после освобождения;
- восстановление документов и регистрационных процедур как условие доступа к правам и услугам;
- фактическое получение социально-правовой помощи по направлениям, предусмотренным правилами;
- снижение повторных правонарушений среди лиц, находящихся под пробационным контролем.

Если формальные действия выполнены, но указанные результаты системно не достигаются, это указывает либо на процедурную неопределённость и несогласованность регулирования, либо на институциональные дефекты исполнения (межведомственные разрывы, отсутствие обязательных минимальных действий, недостаток механизмов фактического перенаправления). По Закону Республики Казахстан «О пробации» государство обязано обеспечить единый механизм пробационного контроля и социально-правовой помощи: служба пробации осуществляет контроль и организует сопровождение, а местные исполнительные органы и уполномоченные организации предоставляют помощь по установленным правилам.

2.2. Проблема правоприменения

Несмотря на нормативное признание социально-правовой помощи как равнозначного компонента пробации, в правоприменении наиболее уязвимым остаётся стык между пробационным сопровождением и внешними системами услуг, регистрация и документы, жилье, занятость, медицинская и психологическая помощь, а также семейно-правовые вопросы. Ключевой риск обусловлен не столько дефицитом правового регулирования, сколько разрывом механизма реализации. Так как постановка лица на пробационный учет (то есть официальная регистрация в службе пробации и установление пробационного контроля, обязанностей и условий сопровождения) сама по себе не обеспечивает фактического доступа к социально-правовой помощи. В результате правовой статус подучетного лица остается формальным и не конвертируется в получение услуг, необходимых для социальной адаптации.

Для женщин данный разрыв приобретает усиленный характер вследствие гендерно-обусловленных факторов уязвимости, которые формируют повышенную нагрузку на механизм пробации и обнажают его межведомственные пределы. Непропорционально высокая вероятность утраты жилья и регистрации, разрыв семейных связей и риски утраты контакта с детьми, более частый опыт предшествующего насилия и связанных с ним психоэмоциональных последствий, выраженная стигматизация на рынке труда и в сообществе, а также необходимость одновременного доступа к нескольким видам помощи (социальной, правовой, медицинской и психологической), предоставляемой различными субъектами без единого «маршрута» сопровождения:

- ответственность за детей и необходимость восстановления семейных связей, включая вопросы опеки, контактов и иных юридически значимых отношений с ребёнком;
- стигматизация и связанные с ней ограничения фактического доступа к трудоустройству и жилью (включая недоверие работодателей/арендодателей и неформальные барьеры);
- повышенная потребность в медицинской и психологической поддержке, в том числе с учётом травматического опыта и потребности в длительном сопровождении;
- риски повторной виктимизации, включая домашнее насилие, а также воспроизводство экономической зависимости как фактора, повышающего вероятность небезопасных жизненных стратегий и вторичной маргинализации.

В результате нормативно предусмотренная социально-правовая составляющая probation де-факто зависит от качества межведомственного взаимодействия и наличия «сквозного маршрута» без чего probation рискует редуцироваться до контрольной функции, теряя заявленную ресоциализационную эффективность.

2.3. Анализ данных

Действующая модель ресоциализации женщин после освобождения формально сочетает контроль и социально-правовую помощь. Однако по данным анкет ключевые риски правоприменения концентрируются на стыке сопровождения и внешних услуг: трудоустройство, жильё, документы/регистрация, а также психологическая адаптация и семейные вопросы. В результате социально-правовая помощь нередко воспринимается как формальная, а не результативная: 45% респонденток оценивают работу службы пробации как «среднюю» (скорее надзорную), 17% — как низкую (недостаток поддержки), и лишь 38% — как высокую (реальная помощь).

По результатам анкетирования установлено, что ядро выборки составили женщины трудоспособного возраста: 31–40 лет — 44%, 21–30 лет — 28%, 41–50 лет — 20%, иные возрастные группы (до 20 лет и старше 50 лет) — 8%. Тем самым преобладающей является категория женщин, находящихся в наиболее активном периоде экономической самостоятельности и потенциальной занятости, что при наличии судимости напрямую повышает значение мер пробации, ориентированных на трудовую и социальную адаптацию. Отдельно фиксируется выраженный фактор семейной нагрузки: 72% респонденток имеют несовершеннолетних детей. Данный показатель юридически квалифицируется как признак повышенной социальной уязвимости и одновременно как индикатор повышенной общественной значимости эффективной реинтеграции, поскольку затрагивает реализацию связанных прав и обязанностей (включая доступ к социальной поддержке, устойчивый доход, жилищную стабильность и восстановление семейных связей).

Выборка характеризуется сочетанием двух ключевых признаков: трудоспособный возраст и материнство, что требует от механизма пробации не формального контроля, а обеспеченного межведомственного сопровождения, способного привести к фактическому доступу к услугам, необходимым для стабильной социальной адаптации.

Семейное положение респонденток распределилось следующим образом: 58% указали статус одиноких/разведенных/вдов, 32% состоят в зарегистрированном или фактическом браке. Данное соотношение имеет прямое значение для оценки реинтеграционного потенциала: преобладание женщин без устойчивой семейной поддержки повышает вероятность жилищной и экономической нестабильности в постпенитенциарный период и усиливает зависимость от доступности государственных и муниципальных механизмов социальной помощи.

Высокая доля матерей при доминировании трудоспособного возраста формирует повышенную нагрузку на механизм реинтеграции, поскольку потребность в легальном доходе и безопасном жилье возникает незамедлительно, а её неудовлетворение в условиях стигматизации и социального давления повышает риск вторичной маргинализации и повторного вовлечения в криминогенную среду. Таким образом, для указанной группы ключевым становится не формальный статус «под учётной», а фактическая обеспеченность межведомственного маршрута: жилье, занятость, доступ к услугам и поддержка в восстановлении семейных связей.

Образовательный профиль респонденток характеризовался преобладанием уровней, ограничивающих доступ к конкурентному рынку труда: среднее специальное 46%, среднее общее 41%, высшее — 13%. В совокупности это означает, что подавляющее большинство участниц обладали либо базовой, либо прикладной квалификацией, требующей целевого сопровождения при трудоустройстве (профориентация, обучение, подтверждение навыков, сопровождение занятости).

Трудовой статус до привлечения к уголовной ответственности демонстрировал структурную слабость связи с формальным рынком труда: неофициальная занятость 52%, безработные 33%, официально трудоустроенные 15%. Тем самым 85% женщин находились вне устойчивого легального трудового поля, что в правовом и социально-управленческом измерении означает отсутствие или минимизацию социальных гарантий (стабильный доход, пенсионные и социальные отчисления, страховое покрытие, трудовые права и защита от произвольного увольнения).

Доминирование неофициальной занятости и безработицы указывает на системный дефицит устойчивых жизненных стратегий, формализованных трудовых навыков и доступа к социальным гарантиям. В постпенитенциарный период это превращается в фактор повышенного риска: при освобождении женщины вынуждены в кратчайшие сроки обеспечить доход и базовую стабильность, однако правовой статус судимости, стигматизация и слабая трудовая история объективно сужают доступ к легальному труду. Следовательно, эффективность probation для данной группы должна оцениваться по способности системы обеспечить фактический переход в формальную занятость и доступ к мерам социально-правовой помощи, а не по формальному факту постановки на учёт.

Оценка условий содержания по данным анкетирования распределилась следующим образом: 76% респонденток охарактеризовали условия как

«хорошие/удовлетворительные», 24% как «неудовлетворительные». Данный показатель имеет значение для правовой оценки соблюдения стандартов обращения, однако сам по себе не исчерпывает вопроса готовности к освобождению и последующей адаптации, поскольку ключевые риски реинтеграции формируются не только качеством режима, но и состоянием здоровья, ресурсами поддержки и доступом к услугам.

Запросы на помощь фиксировали приоритетность немедленных мер сопровождения: психологическая поддержка 65%, медицинская помощь 42%, юридические консультации 18%. Таким образом, ведущим запросом выступила психологическая поддержка, что свидетельствует о высокой потребности в восстановлении психоэмоциональной устойчивости еще до момента выхода и в первые месяцы после освобождения.

Психическое состояние женщин в постпенитенциарный период не может рассматриваться как «частный вопрос» или факультативная услуга. Напротив, при доле запроса 65% оно приобретает характер системного условия эффективности ресоциализации: без доступной психологической помощи затрудняется реализация индивидуальных мер социально-правового характера, повышаются риски срывов поведения, конфликтов в семье и сообществе, а также возвращения в деструктивные социальные связи. Следовательно, для оценки эффективности пробации и межведомственного сопровождения необходимо учитывать не только формальное исполнение контрольных процедур, но и фактическую обеспеченность непрерывной психологической и медико-социальной поддержки как компонента предупреждения повторной преступности.

По результатам анкетирования ключевые препятствия реинтеграции распределились следующим образом: трудоустройство 68% (в том числе отказы, обусловленные судимостью и стигмой), жилищный вопрос — 42% (отсутствие жилья, конфликты с родственниками), правовые вопросы — 35% (документы, регистрация, судебные/исковые процедуры).

Занятость и жильё выступают базовыми предпосылками реализации иных социальных прав и доступа к услугам, тогда как документы и регистрация выполняют функцию юридического «входного барьера»: при их отсутствии затрудняется трудоустройство, получение социальной поддержки и реализация предусмотренных механизмов помощи, вследствие чего правовой статус лица фактически не конвертируется в доступ к гарантиям.

Одновременно оценка готовности к самостоятельной жизни выявила

смешанную картину: 55% респонденток выразили уверенность, тогда как 45% указали страх, тревожность и социальную неуверенность. Эти показатели следует рассматривать не как субъективные переживания, а как юридически релевантный индикатор потребности в сопровождении: при высоком уровне тревожности усиливается риск срыва адаптационного периода и возврата к небезопасным социальным связям.

Отдельно фиксируется высокий уровень стигматизации: 74% респонденток сталкивались с предвзятым отношением, 26% не ощущали давления. В правовом измерении это означает, что даже при наличии внутренней готовности к интеграции (55%) фактическая социальная среда формирует ограничения доступа к законным средствам существования — прежде всего через трудовые отказы (68%) и недоступность жилья (42%). Иными словами, формируется объективный разрыв между намерением вести законопослушный образ жизни и реальной возможностью реализовать такую стратегию в условиях дискриминационных практик.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ДАННЫХ ПОЗВОЛЯЕТ ВЫДЕЛИТЬ УСТОЙЧИВУЮ «РЕЦИДИВНУЮ ЛОВУШКУ», ОБУСЛОВЛЕННУЮ СОЧЕТАНИЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГЕНДЕРНО ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ:

отсутствие или недоступность легальной занятости из-за стигмы и судимости;

жилищная нестабильность и зависимость от конфликтных семейных отношений;

юридические барьеры доступа (документы/регистрация), блокирующие услуги и формальные меры поддержки;

психоэмоциональная уязвимость (страх/тревожность), усиливающая зависимость от внешних ресурсов;

множественность потребностей, требующих межведомственного сопровождения, при отсутствии гарантированного маршрута перенаправления.

В указанной конфигурации пробационный учёт без реально обеспеченного доступа к услугам превращается в преимущественно контрольный режим и не выполняет в полном объеме задачу ресоциализации, поскольку ключевые условия законопослушной жизни — работа, жильё и юридическая «доступность» прав остаются недостижимыми для значительной части женщин.

Материнство как фактор риска и одновременно фактор мотивации.

По данным анкетирования 72% респонденток имели несовершеннолетних детей. В правовом измерении это означает повышенную социальную ответственность и объективно более жёсткие временные рамки реинтеграции: при отсутствии оперативного доступа к доходу и жилью возрастает вероятность вынужденных стратегий выживания. В таких условиях риск повторных корыстных правонарушений следует квалифицировать не как индивидуальный «выбор», а как производное структурной уязвимости и институционального дефицита доступа к базовым гарантиям.

Экономическая депривация до осуждения как предиктор постпенитенциарной нестабильности.

До привлечения к уголовной ответственности 85% женщин находились вне официального трудового поля (неофициальная занятость и безработица). Данный показатель указывает на слабую включённость в формальные социальные механизмы (социальные отчисления, трудовые гарантии, устойчивый доход), что снижает стартовые возможности реинтеграции и усиливает зависимость от внешней поддержки в первые месяцы после освобождения.

Критический разрыв между заявленной готовностью и фактическими барьерами.

При 55% заявленной уверенности в готовности к самостоятельной жизни одновременно фиксировались 68% трудовых барьеров (включая отказы по причине судимости) и 74% случаев стигматизации. Юридическое значение этого несоответствия заключается в том, что надзорные меры, не подкреплённые результативным межведомственным сопровождением, не устраняют ключевые причины уязвимости. Следовательно, в условиях доминирования дискриминационных барьеров и ограниченного доступа к базовым ресурсам пробационный учёт без реального обеспечения услуг не способен в полном объёме реализовать цели ресоциализации и предупреждения повторной преступности.

3. Предложения по мерам

Анализ исследования выявил ядро рисков (жильё, трудоустройство, стигматизация, семейные конфликты). В связи с этим предлагается внедрить в деятельность Службы пробации «Матрицу межведомственной маршрутизации».

Данный механизм позволит перевести работу с осужденными по кейс-менеджменту, где риск в одном домене (например, отсутствие регистрации) не рассматривается как частная проблема, а влечет за собой автоматическое включение ресурсов смежных ведомств (Минтруда, Минздрава, местных исполнительных органов) в рамках единого протокола.

ТЕКУЩАЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ОРИЕНТИРОВАНА НА ФОРМАЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ, ЧТО СОЗДАЕТ «РЕЦИДИВНУЮ ЛОВУШКУ». ПРЕДЛАГАЕТСЯ ВНЕДРИТЬ ДВУХУРОВНЕВУЮ СИСТЕМУ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:

1. Законодательный уровень (УИК / Закон «О пробации»): Закрепление принципа «результативности ресоциализации» и обязанности государства обеспечивать межведомственную поддержку.

2. Подзаконный уровень (Межведомственный приказ/Стандарт): Утверждение Методики расчета интегрального показателя и регламента мониторинга.

Операциональное определение: **Успешная реинтеграция** — это достижение устойчивого порога социальной безопасности по пяти ключевым доменам в течение первых 180 дней после освобождения при отсутствии «критических провалов».

Для исключения формализма вводится система KPI, разделенная на базовые (обязательные) и расширенные индикаторы.

Домен	Ключевой индикатор	Критический провал (Trigger)
Правовой	Наличие документа (ИИН) и регистрации	Отсутствие документов/регистрации на 30-й день
Жилищный	Безопасное и устойчивое место проживания	Бездомность или проживание с агрессором
Экономический	Наличие законного дохода или трека занятости	Отсутствие дохода и траектории на 60-й день
Медицинский	Прикрепление к ПМСП и первичный скрининг	Неоказание помощи при высокой потребности
Институциональный	Наличие ИПР и активная маршрутизация	Формальный надзор без реальных направлений

Методика расчёта интегрального показателя успешной реинтеграции строится на доменной оценке по шкале **0–2 балла**. По каждому из пяти доменов (правовой, жилищный, экономический, социально-медицинский, институциональный) фиксируется статус кейса: **0 баллов** — домен не закрыт и отсутствует прогресс, **1 балл** — домен в процессе закрытия (инициированы действия, но результат не достигнут), **2 балла** — домен закрыт и результат подтверждён. **Итоговая оценка формируется суммированием баллов (максимум 10)**.

Кейс признаётся успешным при достижении суммы не менее 7/10 при обязательном условии отсутствия критических провалов, то есть 0 баллов в любом домене. Наличие критического провала автоматически исключает кейс из категории успешных независимо от общей суммы баллов и запускает протокол усиленного реагирования.

В пенитенциарной и пробационной системе Англии **применяется** структурированная оценка рисков и потребностей по отдельным разделам, включая жильё, занятость, употребление психоактивных веществ, «**мышление и поведение**» и др. и по итогам формируется сводная оценка, используемая для планирования работы с осужденным и управления рисками.

Федеральная система исполнения наказаний Канады **опирается** на модель реинтеграции, где значимую роль играют партнёры в сообществе, предоставляющие жильё, поддержку и программы, то есть реинтеграция рассматривается как межведомственная/межсекторная цепочка услуг.

Матрица межведомственной маршрутизации и риск-менеджмент представляют собой жёсткий протокол действий, привязанный к уровням риска от R0 до R3. Принцип матрицы заключается в том, что риск в одном домене рассматривается не как частная трудность, а как основание для запуска межведомственного маршрута с заранее определёнными действиями, ответственными и сроками. Алгоритм реагирования на риски уровней **R2/R3** предусматривает, что при выявлении триггера (например, отсутствие жилья, угроза насилия, риск эксплуатации) кейс-менеджер органа пробации незамедлительно инициирует протокол **R3**, фиксируя событие в кейсе и направляя обязательные запросы/направления в смежные ведомства.

В рамках **SLA** (Service Level Agreement) устанавливаются предельные сроки реагирования, обеспечивающие предсказуемость и управляемость процесса. По жилищному домену предусматривается размещение женщины в кризисном центре или ином безопасном месте проживания в течение **24–48 часов**. По правовому домену первичное действие по восстановлению документов (включая организацию обращения в ЦОН и запуск процедуры оформления) должно быть обеспечено в течение 24 часов с момента выявления риска. По экономическому домену должен быть сформирован **«трудоустройственный трек»** — направление в Центр занятости и первичная маршрутизация в программы занятости — в течение 7 дней. **Контроль исполнения SLA обеспечивается механизмом эскалации**: при нарушении сроков реагирования со стороны смежных ведомств кейс-менеджер инициирует служебную эскалацию на уровень руководства МИО с фиксацией причин задержки и назначением корректирующих мер.

Дорожная карта внедрения предлагает пакет регуляторных шагов, направленных на трансформацию модели из преимущественно контрольно-надзорной в сервисно-реинтеграционную. **Во-первых, требуется закрепление понятийного аппарата в нормативном поле**: введение дефиниций **«кейс-менеджмент»**, **«критический провал»**, **«домен реинтеграции»**, что позволит унифицировать правоприменение и сформировать единую методологию оценки. **Во-вторых, предлагается цифровизация межведомственного обмена**: создание защищённого канала передачи данных между ИС «Пробация» и базами МИО/МТСЗН для исключения повторных запросов документов и сокращения административных барьеров. **В-третьих, целесообразно**

пилотирование модели в трёх регионах с различным социально-экономическим профилем на срок 6–9 месяцев для валидации процедур, нагрузки и результатов. В-четвёртых, управленческая система KPI должна опираться не на количественную отчётность, а на измеримые результаты: медиану времени закрытия критических рисков (R3) и долю успешных реинтеграций по интегральному показателю.

Проектные формулировки для нормативных актов могут быть изложены следующим образом. В части нормы оценки эффективности: «Эффективность деятельности органов пробации оценивается достижением интегрального показателя успешной реинтеграции осуждённого лица, фиксируемого по истечении 180 суток с момента постановки на учёт». В части маршрутизации: «При выявлении критического риска (R3) в любом из доменов реинтеграции уполномоченные органы обязаны реализовать мероприятия дорожной карты в установленные SLA-сроки, включая обеспечение безопасности и временного жилья в срок до 48 часов».

Предлагаемая модель переводит ресоциализацию из категории «желаемого» в категорию «управляемого и измеряемого». Переход на систему SLA и доменный риск-менеджмент позволит государству оптимизировать расходы на пенитенциарную систему и существенно снизить уровень социального напряжения и рецидива.

В ЦЕЛЯХ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ ПОВТОРНОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ В КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ, ПРЕДЛАГАЕТСЯ ВНЕДРИТЬ ПРОТОКОЛ ИНТЕНСИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ (КЕЙС-МЕНЕДЖМЕНТ):

Объективация процесса:

Установить обязанность Службы пробации по разработке Индивидуального плана реинтеграции (ИПР) не позднее 3 рабочих дней с момента постановки на учёт.

Институциональная ответственность:

Закрепить за сотрудником пробации функции координатора межведомственного взаимодействия с правом оперативного направления бенефициара в уполномоченные органы.

Индикаторы результативности:

Оценивать эффективность работы территориальных подразделений не по количеству проверок по месту жительства, а по доле лиц, достигших целевых показателей в доменах «Документы», «Жилье», «Труд» в течение 90 суток.

ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ БАРЬЕРОВ, СВЯЗАННЫХ С ОТСУТСТВИЕМ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ДОКУМЕНТОВ И РЕГИСТРАЦИИ, НЕОБХОДИМО:

Превентивная верификация:

Формализовать процедуру восстановления удостоверений личности силами администрации ИУ за 6 месяцев до фактического освобождения осужденного.

Правовой механизм адресации:

Внести изменения в правила регистрации граждан, предусмотрев возможность временной регистрации по адресу Центров социальной адаптации или НПО-партнеров на срок реализации ИПР.

Исключение административного дублирования:

Внедрить принцип «единого окна» через ЦОН для лиц, освободившихся из МЛС, с приоритетным порядком рассмотрения заявлений.

УЧИТЫВАЯ, ЧТО 68% РЕСПОНДЕНТОВ СТАЛКИВАЮТСЯ СО СТИГМОЙ ПРИ ПОИСКЕ РАБОТЫ, ПРЕДЛАГАЕТСЯ:

Квотирование и преференции:

Разработать механизм налоговых льгот для субъектов частного предпринимательства, обеспечивающих трудоустройство женщин, находящихся на пробации, сроком не менее 6 месяцев.

Профессиональная пролонгация:

Обеспечить непрерывность обучения, начатого в МЛС, путем интеграции ведомственных учебных центров с государственными программами краткосрочного профессионального обучения.

Социальный контракт:

Активнее использовать механизмы социальной помощи на основе контракта, где условием выплаты является активный поиск работы или обучение.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ НА ЖИЛИЩЕ И ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ:

Гарантированное временное размещение:

Закрепить за Местными исполнительными органами (МИО) обязанность по резервированию мест в кризисных центрах для женщин, не имеющих жилья, на срок до 90 суток.

Медико-социальный скрининг:

Включить в перечень обязательных услуг Службы пробации первичную маршрутизацию в рамках ОСМС для прохождения обследования и получения психологической помощи в течение первых 30 дней.

Защита интересов ребенка:

Обеспечить правовое сопровождение процедур восстановления родительских прав и воссоединения с семьей, исходя из принципа наилучших интересов ребенка, при условии обязательной верификации безопасности семейной среды.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛАГАЕМЫХ МЕР ТРЕБУЕТ ЭТАПНОСТИ:

Этап I (Нормативно-организационный):

Разработка и утверждение Межведомственного регламента взаимодействия органов внутренних дел, юстиции, здравоохранения, труда и социальной защиты.

Этап II (Пилотная апробация):

Запуск модели в референтных регионах с последующим аудитом бизнес-процессов.

Этап III (Легализация):

Внесение поправок в Уголовно-исполнительный кодекс и Закон «О пробации» на основе результатов пилота.

Ключевой показатель эффективности (КПИ):

Доля женщин, успешно завершивших программу реинтеграции без совершения административных и уголовных правонарушений в течение отчетного года.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПРОБАЦИИ ИЗ НАДЗОРНОЙ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНУЮ МОДЕЛЬ БАЗИРУЕТСЯ НА ТРЕХ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ СТОЛПАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА:

- Бангкокские [правила](#) ООН (United Nations Rules for the Treatment of Women Prisoners and Non-custodial Measures for Women Offenders, «Bangkok Rules»)
- Токийские [правила](#) ООН (United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures, «Tokyo Rules»)
- Европейские [правила](#) probation (Council of Europe Probation Rules, Recommendation CM/Rec(2010)1)

1. Соответствие Бангкокским правилам ООН

Пакет мер напрямую реализует требования Правил ООН, касающихся обращения с женщинами-заключенными (Бангкокские правила, 2010):

Гендерная специфика (Правило 43-44): Бангкокские правила требуют, чтобы программы ресоциализации учитывали гендерные особенности, включая наличие детей и опыт травмы. Наши меры (особенно Мера 6 по семейным вопросам и Мера 5 по психосоциальной поддержке) реализуют этот стандарт, создавая «безопасный коридор» для воссоединения семьи.

Подготовка к освобождению (Правило 46-47): Стандарты требуют начинать процесс реинтеграции задолго до выхода на свободу. Мера 2 (восстановление документов до освобождения) и Мера 1 (первые 90 дней) являются прямой имплементацией этих норм, устраняя «институциональный вакуум» в момент выхода из ИУ.

2. Переход от карательной парадигмы к восстановительной (Restorative Justice)

Доказательством эффективности предложенных мер является смещение фокуса с репрессивного контроля на устранение криминогенных потребностей:

Теория «риск — потребность — восприимчивость» (RNR Model): Научно доказано, что простой надзор (карательная мера) не снижает рецидив. Рецидив снижает адресное закрытие дефицитов. Предложенный «Доменный подход» (жилье, работа, здоровье) это признанный в мире инструмент снижения криминальной активности через социальную стабилизацию.

Международная доказательная база в сфере пробации и ре-энтри подтверждает, что снижение повторной криминальной активности достигается

через адресацию ключевых доменов социальной стабилизации жилья, занятости и (поведенческого) здоровья в логике криминогенных потребностей (RNR). При этом эффекты наиболее **устойчивы**, когда домены реализуются не изолированно, а в формате сопровождения и межведомственной связки услуг.

Социальный капитал и десистанс (Desistance Theory): Мера 3 (трудоустройство) и Мера 6 (семья) направлены на создание у женщины социально-полезных связей. Согласно криминологическим исследованиям, наличие легального дохода и ответственности перед семьей являются самыми сильными «сдерживающими» факторами, превосходящими по силе страх наказания.

3. Детализация механизмов общественной безопасности

Восстановительная модель обеспечивает более высокий уровень безопасности общества, чем карательная, по следующим причинам:

Прозрачность и контроль через услуги: Когда женщина находится в системе «сопровождения» (Мера 1), она постоянно взаимодействует с государственными и общественными службами. Это обеспечивает более глубокий и качественный мониторинг ее состояния, чем простая явка на регистрацию в полицию.

Нейтрализация «триггеров» преступности: Большинство правонарушений среди женщин носят корыстный характер (кражи, мошенничество) или связаны с наркозависимостью. Решение проблем с документами (Мера 2) и жильем (Мера 4) снимает острую нужду, которая толкает на совершение новых преступлений в первые недели после освобождения.

4. Экономическое доказательство (Cost-Benefit Analysis)

Для государства карательная модель обходится дороже. Содержание одного осужденного в ИУ обходится бюджету в значительные суммы ежемесячно. Реализация пакета мер по ресоциализации (даже с учетом затрат на субсидии и жилье) окупается в течение 12–18 месяцев за счет того, что женщина становится налогоплательщиком, а ее дети не попадают на содержание в государственные интернаты.

Выводы

Международный опыт показывает, что восстановительная (реинтеграционная) модель это не только правозащитный стандарт, но и инструмент бюджетной эффективности: снижение рецидива и зависимости от лишения свободы уменьшает прямые расходы государства на пенитенциарную систему и надзор, а также снижает социально-экономический ущерб повторной преступности. Эмпирические оценки (WSIPP, RAND) демонстрируют положительное соотношение выгод и затрат для реабилитационных и образовательных вмешательств, а стратегии в США и Австралии институционализируют логику сокращения тюрьмы и высвобождение средств приведут к инвестициям в реинтеграцию.

В британской правовой и правоприменительной архитектуре наказаний последовательно проводится тезис о том, что меры, реализуемые в сообществе (community-based disposals), при сопоставимых категориях правонарушений и профиле правонарушителя нередко демонстрируют более высокую стоимость и результативность, чем краткосрочное лишение свободы, так как они обходятся дешевле для бюджета и при надлежащей ресурсной обеспеченности способны давать лучший эффект в части снижения повторной преступности. Эта позиция отражена как в правительственных материалах и аналитических отчетах Министерства юстиции, где приводятся выводы о сравнительной эффективности общественных распоряжений и иных мер по отношению к коротким срокам заключения, так и в парламентских источниках, фиксирующих «рост доказательной базы» в пользу таких санкций как инструмента снижения рецидива и разгрузки пенитенциарной системы.

С доктринальной точки зрения это оформляется как аргумент в пользу рационализации карательной политики на основе доказательности (evidence-based sentencing) и принципа экономного, целевого расходования публичных средств при сохранении целей наказания.

В карательной модели государство несет устойчивые расходы на содержание одной осужденной женщины в учреждениях УИС: питание, вещевое довольствие, коммунальные услуги, охрану, медицинское обслуживание и администрирование режима. В совокупности по стране это формирует значительные бюджетные ассигнования, которые, по своей природе, не создают прибавочной стоимости и не трансформируются в общественно полезный результат за пределами самой системы содержания.

Дополнительно формируются косвенные потери. Пока женщина находится в исправительном учреждении, государство во многих случаях вынуждено компенсировать последствия разрыва семейных связей: расширяются расходы на социальные выплаты, опеку и содержание детей, включая интернатные формы. Социальная дезинтеграция семьи усиливает межпоколенческие риски: дети оказываются в зоне повышенной уязвимости и в перспективе чаще попадают в орбиту уголовной юстиции, что означает воспроизводство затрат на новом витке.

Восстановительная модель, напротив, является моделью краткосрочных инвестиций. Затраты на ресоциализацию — субсидирование рабочих мест, обеспечение временного безопасного жилья, сопровождение кейс-менеджерами, доступ к медицинской и психологической помощи выступают как ограниченные по времени вложения, направленные на возврат женщины в легальный экономический и социальный оборот. Экономический смысл данной модели заключается в переходе человека из категории «потребитель бюджета» в категорию «налогоплательщик» и участника формальной экономики. В рамках предлагаемой концепции срок окупаемости таких вложений оценивается в горизонте 12–18 месяцев, поскольку именно в этот период достигается стабилизация ключевых доменов (доход, жильё, документы, здоровье, институциональная связность).

Механизмы окупаемости имеют измеряемую природу. Во-первых, это налоговый возврат: трудоустройство женщин после пробаии генерирует поступления в виде индивидуального подоходного налога и социальных отчислений, которые со временем перекрывают административные расходы на сопровождение и межведомственную маршрутизацию. Во-вторых, действует эффект «социального мультипликатора»: сохранение матери в семье и предотвращение институционализации детей снижает бюджетную нагрузку, поскольку расходы на содержание ребёнка в интернатной системе сопоставимы с затратами на интенсивную программу реабилитации взрослого. Следовательно, одна успешная реинтеграция потенциально предотвращает удвоение или утроение затрат, которые государство понесло бы при распаде семьи и последующей институционализации ребёнка. В-третьих, происходит снижение стоимости рецидива: каждое новое преступление означает новые циклические расходы на следствие, суд, экспертизы, исполнение наказания и повторное содержание в УИС. Доменный подход, ориентированный на ликвидацию первопричин (отсутствие жилья, дохода, документов и доступа к базовым услугам), позволяет разорвать этот цикл и исключить повторяемые бюджетные траты.

Важно подчеркнуть, что восстановительная парадигма выполняет также

функцию гарантии общественной безопасности. Карательный подход преимущественно изолирует симптом, но не устраняет криминогенные потребности. Восстановительная модель работает с основаниями риска: при наличии легального дохода и безопасного жилья исчезают базовые мотиваторы для совершения имущественных правонарушений, снижается вероятность вовлечения в эксплуатационные практики, а социальная стабилизация усиливает предсказуемость поведения. Восстановление документов возвращает женщину в правовое поле и делает её «видимой» для государственных сервисов — это одновременно расширяет доступ к услугам и повышает управляемость маршрута через законные механизмы контроля. Поддержка семьи и детей формирует естественный социальный контроль и устойчивые сдерживающие факторы, которые на практике оказываются эффективнее формального надзора без социальной опоры.

По итогам проведённого анализа эмпирических материалов формулируются следующие выводы и рекомендации.

Во-первых, выявлен системный дефицит: действующая модель пробации перегружена функцией надзора и недостаточно обеспечена ресурсами социальной поддержки. Это коррелирует с данными исследования, согласно которым значительная доля женщин указывает трудоустройство как ключевой барьер реинтеграции, а также фиксирует устойчивый фактор стигматизации как препятствие к восстановлению статуса и социальных связей.

Во-вторых, подтверждается гендерная уязвимость: высокая доля матерей в выборке требует внедрения специализированных протоколов «мать и дитя» и межведомственных решений, которые бы защищали интересы детей одновременно с ресоциализацией женщины; в действующих процедурах такой контур присутствует фрагментарно и не обеспечивает предсказуемого результата.

В-третьих, доказана необходимость SLA-стандартов: ресоциализация не может зависеть от персональной инициативы или «доброй воли» отдельных должностных лиц. Она должна быть оформлена как регламентированная услуга с чёткими сроками реагирования, прозрачной маршрутизацией и измеримыми результатами, фиксируемыми через KPI по пяти доменам.

Итоговая рекомендация заключается в том, что предлагаемый пакет мер — от единого маршрута сопровождения в первые 90 дней до внедрения межведомственной матрицы рисков и доменных KPI целесообразно запустить в формате немедленного пилотного внедрения.

Это позволит Республике Казахстан укрепить исполнение международных обязательств, включая стандарты обращения с женщинами в системе уголовной юстиции (в том числе принципы, закреплённые в Бангкокских правилах ООН), и перейти к современной, экономически рациональной и гуманной системе правосудия, в которой безопасность общества достигается через успешную социально-правовую адаптацию личности, а не через её повторяемую и дорогостоящую изоляцию.

